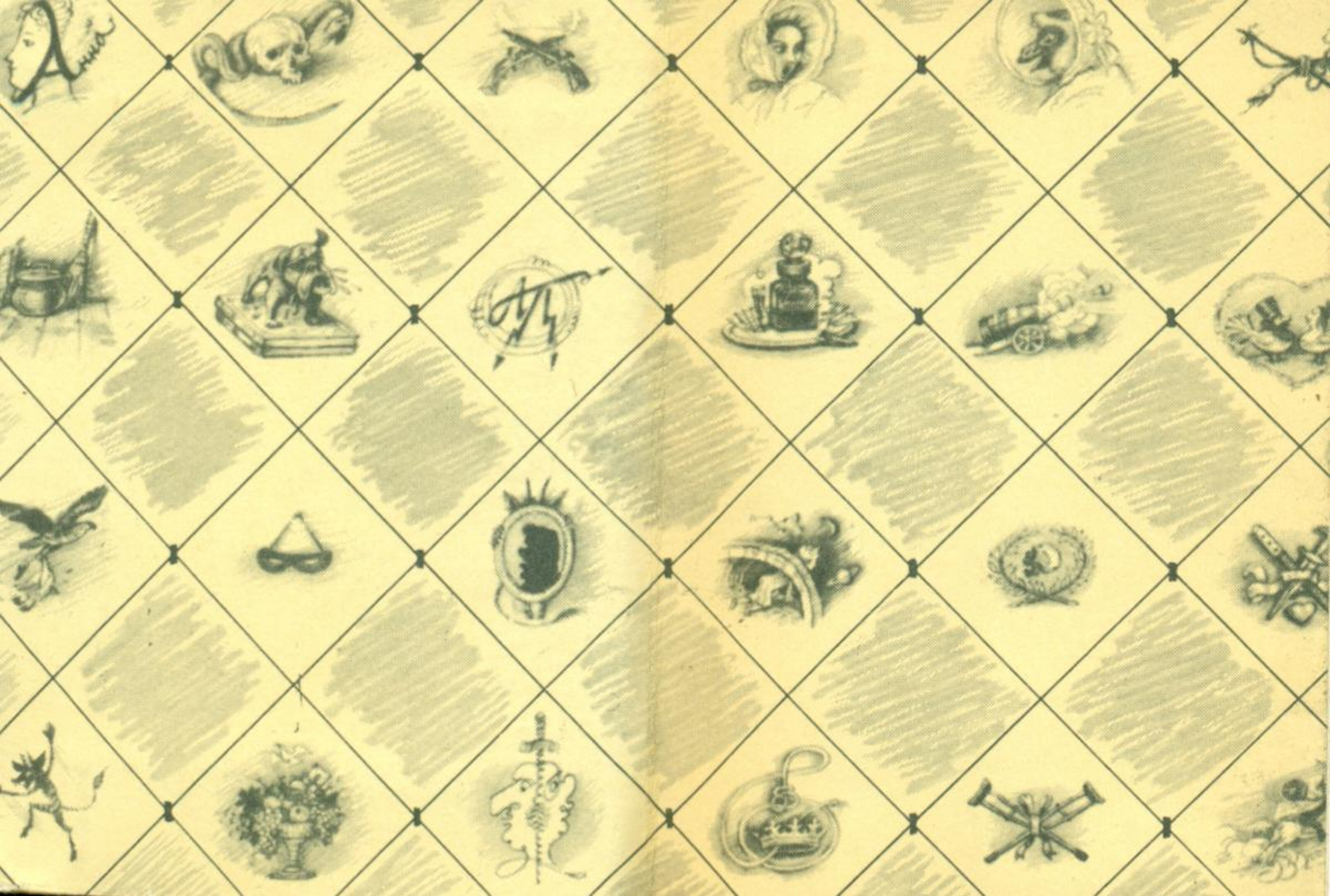
А. С. Пушкин

Эпиграммы

Эпиграммы · А. С. Пушкин

Эпиграммы — А. С. Пушкин



А. С. Пушкин

Эпиграммы

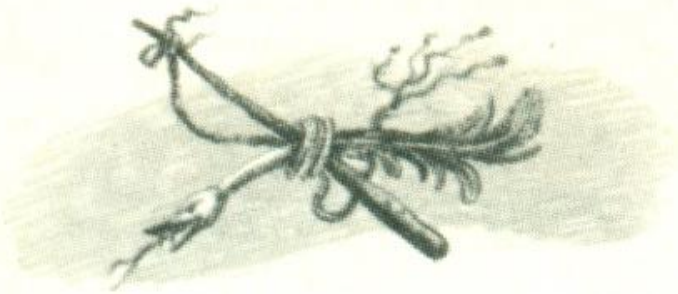
Художник
Ф. Вагин

Пермское
книжное издательство · 1984

Текст печатается
по изданию:
А. С. Пушкин.
Эпиграммы.
М.: Художественная
литература, 1979.

Примечания
Т. Г. ЦЯВЛОВСКОЙ

© Оформление, Пермское
книжное издательство, 1984.



XXX

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный
клич!
Не нужно мне гремящей
лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные
клевреты,

Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь
буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц
бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов
широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Несчастье Клита

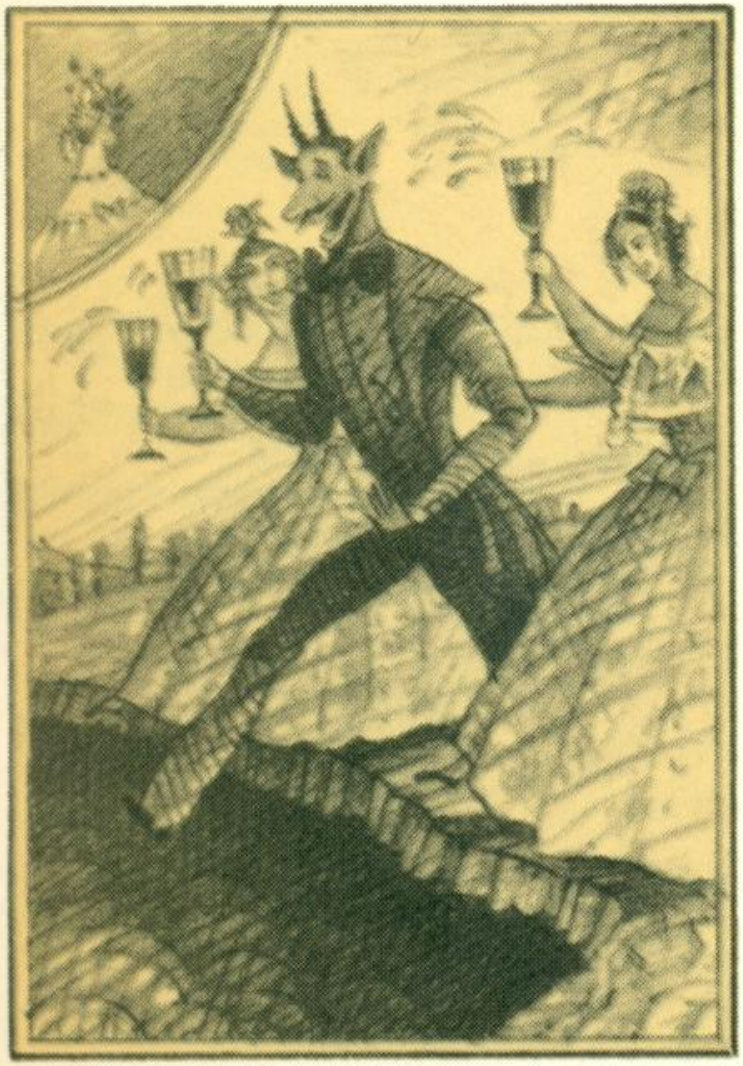
Внук Тредьяковского Клит
гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея
злобой ужасною дышит;
Мера простая сия
все портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов
и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею,
пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача,
гекзаметры ж он заморозит.

Двум Александрам Павловичам

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить
шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем.

Эпиграмма
(Подражание французскому)

Супругою твоей я так
пленился,
Что если б три в удел
достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал
сатане,
Чтоб третью лишь
принять он согласился.



На Рябушкина

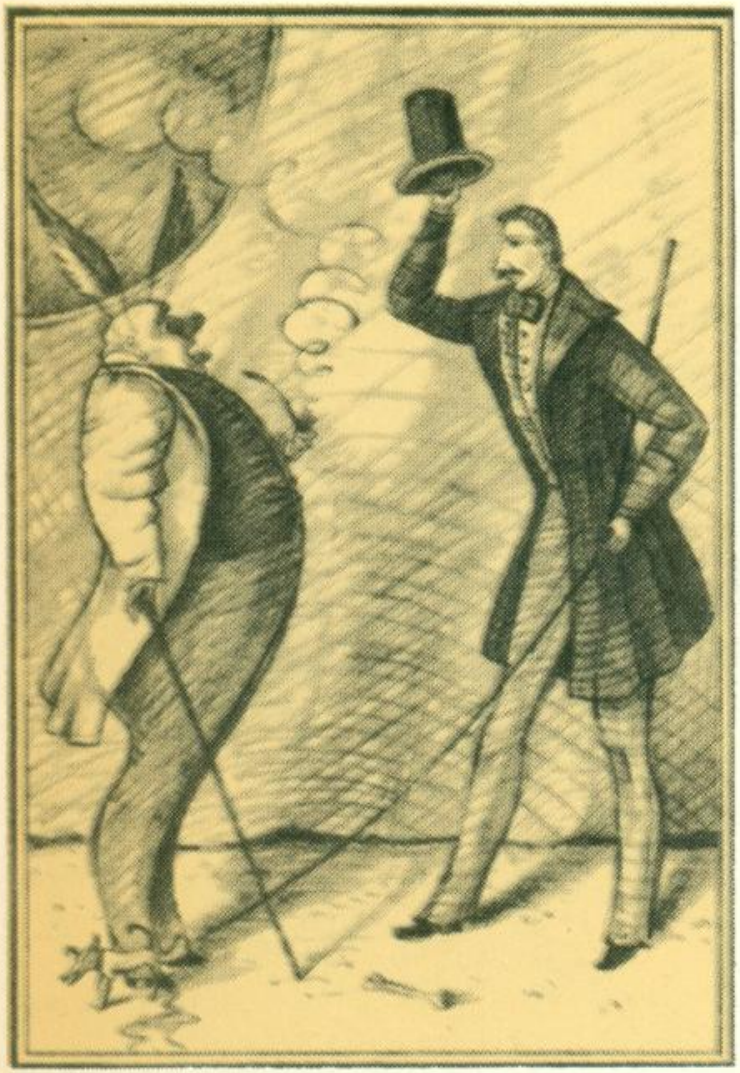
Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань
с противной стороной,
Повесит меч войны
средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун,
скончав чернильный бой,
Повесил уши.

На Пучкову

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет
недельных видам,
Хоть в смех читателям,
да в пользу инвалидам.

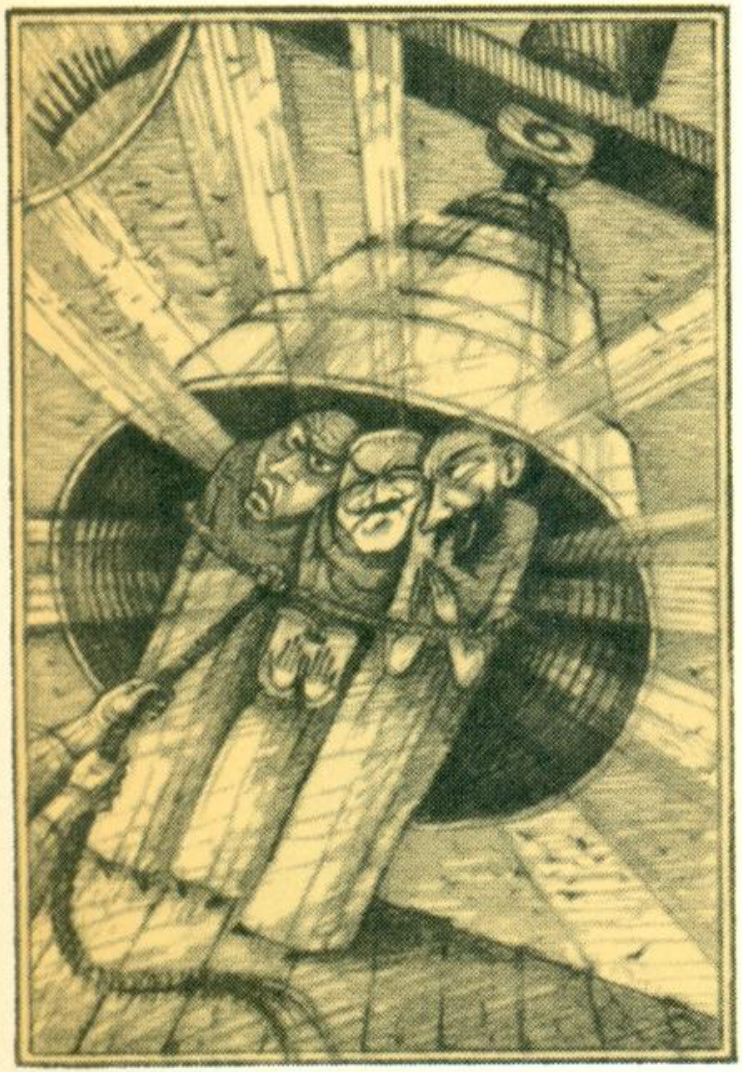
Любопытный

— Что ж нового? «Ей-богу,
ничего».
— Эй, не хитри:
ты, верно, что-то знаешь.
Не стыдно ли,
от друга своего,
Как от врага, ты вечно
все скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй,
брат, за что?
Не будь упрям: скажи
ты мне хоть слово...
«Ох! отвяжись, я знаю
только то,
Что ты дурак, да это уж
не ново».



xxx

Угрюмых тройка есть певцов—
Шихматов, Шаховской,
Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской,
Шихматов,
Но кто глупей из тройки
злой?
Шишков, Шихматов,
Шаховской!



On peut trés bien,
mademoiselle,
Vous prendre pour une
maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce,—
oh, mon Dieu, non [1].

---

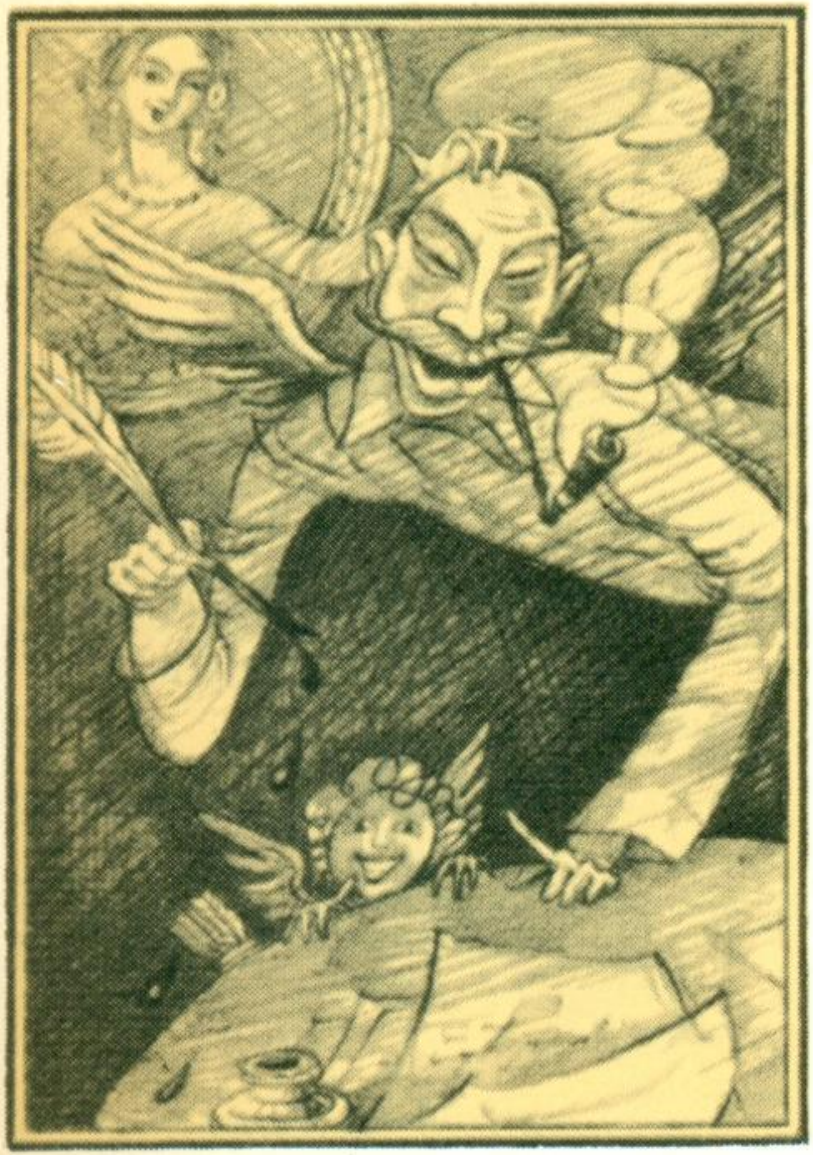
[1] Очень легко, сударыня,
принять Вас за сводню
Или за старую обезьяну,
Но за грацию,
о боже, нет! (*франц.*).

На Пучкову

Зачем кричишь ты, что ты *дева*,
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты о женихе.

XXX

Вот Виля — он любовью
дышит,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.



На гр. А. К. Разумовского

Ах! Боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь
ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг
никому:
Дай бог и царствие небесное
ему.

К Огаревой, которой Митрополит прислал плодов из своего сада

Митрополит, хвастун
бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих
садов.

Возможно все тебе —
харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем
родит.

И он, твой встретив взор
волшебный,

Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

«Послушайте: я сказку вам
начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство
Золотое,
А может быть,
про Грозного-царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-
богатыря».

В его «Истории» изящность,
простота
Доказывают нам,
без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспóт.
Спаситель горько
плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя
стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь,
сударь:
Вот бука, бука — русский
царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ
российский,
Что знает целый мир:

И прусский и
австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт,
здоров и тучен;
Меня газетчик
прославлял;
Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место
вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай!
закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как
царь-отец
Рассказывает сказки».

На Рачеевского

Бессмертною рукой
раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь
не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли
перемена?
Наш Тацит на тебя
захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним
ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок
из гузна Дефонтена!

XXX

Послушай, дедушка, мне
каждый раз,
Когда взгляну на этот
замок Ретлер,
Приходит в мысль: что,
если это проза,
Да и дурная?..

История стихотворца

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

На Стурдзу

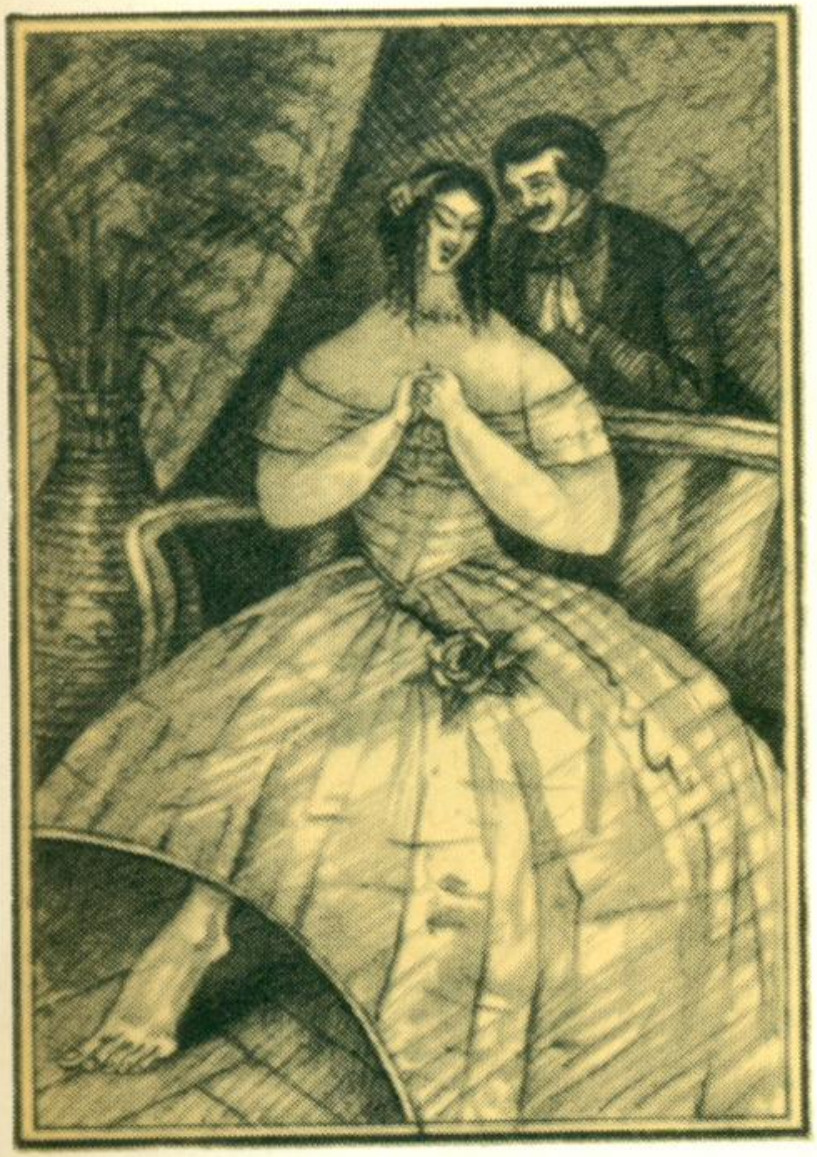
Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

Добрый человек

Ты прав — несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный —
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом,—
Ты просто глуп, и слава богу.

На Колосову

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любови,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!



На Стурдзу

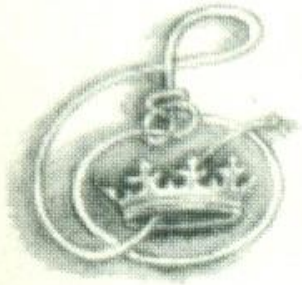
Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

На Аракчеева

В столице он — капрал,
в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде
достоин он.

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно—
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

Мы добрых граждан
позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.



Тыня

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я, как смерть, и тощ
и бледен.

Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной
Сажен за сто с чердака
За нуждой бегу известной.

Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств,
без чести,
Кто ж он? *Преданный*
без лести,
<— — —> грошевой солдат.

Когда б писать ты начал
сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру.
Как внидешь в царствие
небес.

Аптеку позабудь ты
для венков лавровых
И не мори больных,
но усыпляй здоровых.

На Рачеевского

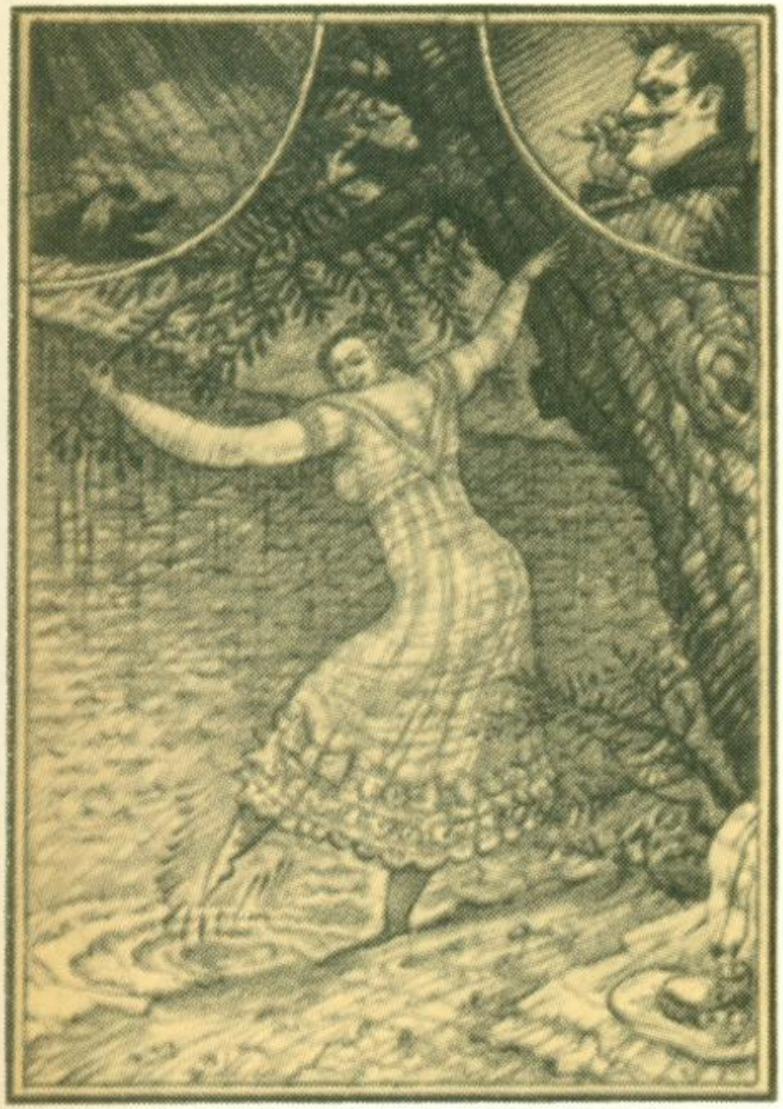
Хаврониос! ругатель
закоснелый,
Во тьме, в пыли,
в презренье поседелый,
Уймись, дружок! к чему
журнальный шум
И пасквилей томительная
тупость?
Затейник зол, с улыбкой
скажет глупость.
Невежда глуп, зевая,
скажет ум.

XXX

Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так! я празден,
я без дела,
А ты бездельник деловой.

Нимфодоре Семеновой

Желал бы быть твоим,
Семенова, покровом,
Или собачкою постельною
твоей,
Или поручиком
Барковым,—
Ах он, поручик! ах,
злодей!



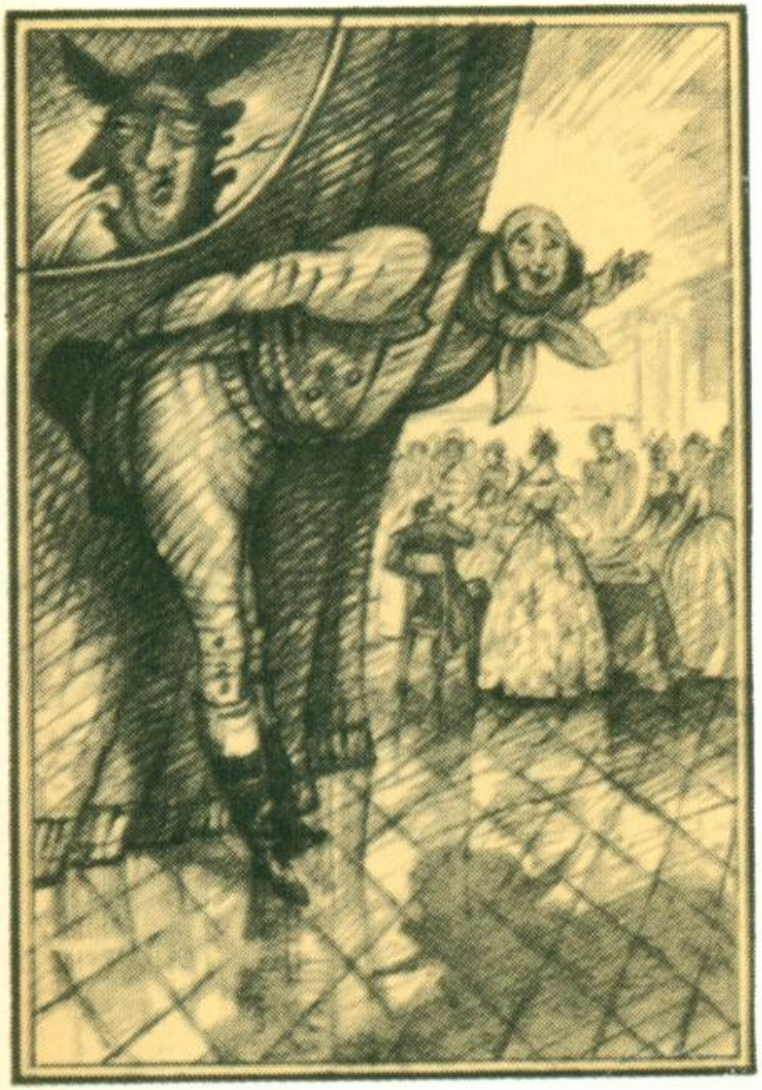
Эпиграмма
(На гр. Ф. И. Толстого)

В жизни мрачной и
презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

xxx

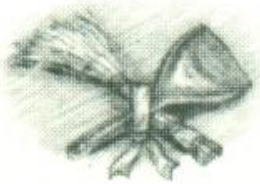
Князь Г. со мною не знаком.
Я не видал такой
негодной смеси;
Составлен он из подлости
и спеси,
Но подлости побольше
спеси в нем.
В сраженье трус,
в трактире он бурлак,
В передней он подлец,
в гостиной он дурак.

П. Г.



XXX

«Хоть, впрочем,
он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*».
— «Да ты чем полон,
шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!»

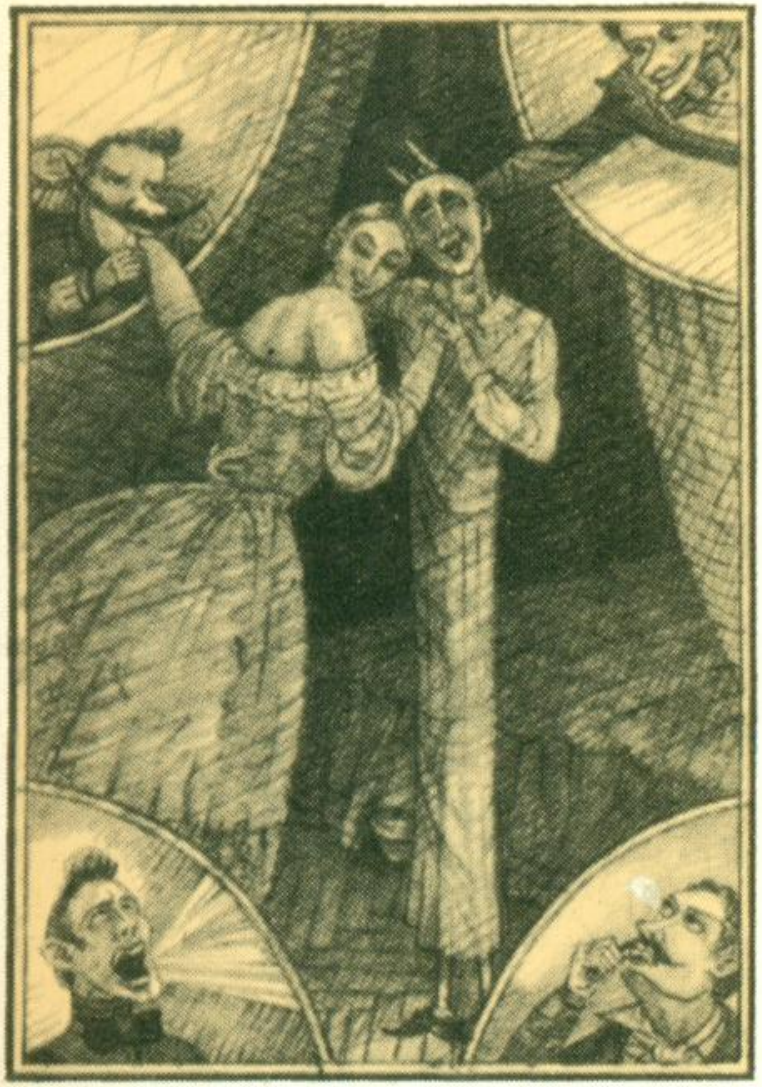


Эпиграмма

Лечись — иль быть тебе
Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец,
будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

На А. А. Давыдову

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был
француз,
Клеон — умом ее стращая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

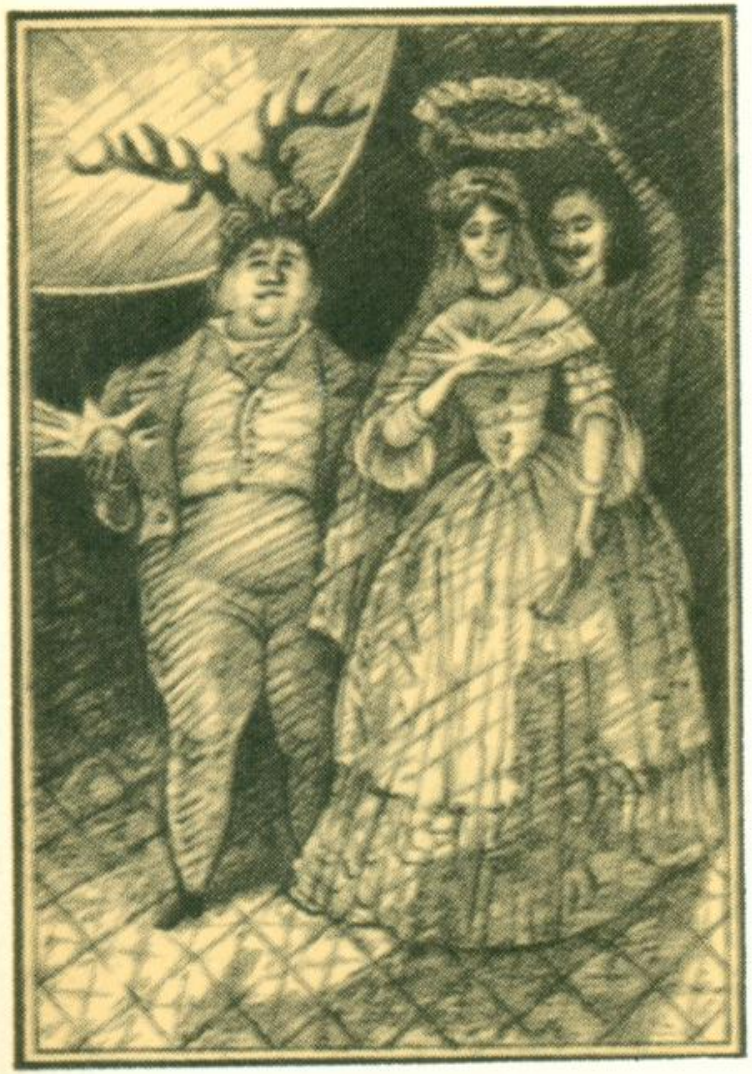


На Рагеновского

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

XXX

Тадарашка в вас влюблен,
И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
Род каких-то дрожек.
Нам приходит не легко;
Как неосторожно!
Ох! на дрожках далеко
Вам уехать можно.

xxx

У Кларисы денег мало,
Ты богат — иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.